

Ю.В.АРГУДЯЕВА

СОЗДАНИЕ СЕМЬИ У ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Основное условие образования семьи предусматривает наличие двух брачных партнеров. Однако складывавшийся в дальневосточном регионе во второй половине XIX—начале XX вв. половозрастной состав населения и демографическая ситуация создавали здесь дефицит женщин. Проблема дефицита невест возникла со времени воссоединения Приамурья с Россией. В начале 60-х годов XIX в. этот вопрос обсуждался даже губернатором Приморской области, генерал-губернатором Восточной Сибири и другими высокопоставленными лицами.

Дефицит женщин был характерен для всех групп крестьянского населения и в Приморской, и в Амурской областях независимо от времени их прибытия в дальневосточный регион, хотя мог превалировать в том или ином районе. Он был обусловлен целым рядом причин. В определенной степени первоначально это были ошибки правительства, стремившегося отправить на восток страны семьи, где преобладали мужчины-работники. Да и большинство семей решалось на переселение обычно в тех случаях, если в них преобладали мужчины. Сыновья не только обеспечивали хозяйство рабочей силой, но и были теснее привязаны к нему, чем дочери, которые, вступив в брак, оставляли семью. К тому же специфические природные условия Дальневосточного края (необходимость раскорчевки тайги, распашка целинных земель и др.) требовали привлечения значительного количества мужчин. Правительство считало, что в целях более интенсивного развития хлебопашества на Дальнем Востоке следует переселять семьи с преобладающим взрослым мужским населением. Эти факторы определили перевес мужчин в численности сельского населения края. Бесспорно, в условиях освоения нетронутой дикой дальневосточной природы постоянно требовалось применение тяжелого

физического мужского труда. Однако традиционное разделение крестьянских работ не могло обойтись и без женских рук. Без жены крестьянин не мог завести самостоятельное хозяйство. Не улучшилась ситуация с женщинами и в последующие годы. В отчете военного губернатора Приморской области за 1882—1883 гг. отмечалось, что женского населения в области почти в 3 раза меньше мужского (1).

Еще сложнее была ситуация у сельского населения в целом по дальневосточному региону. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, на 1 января 1897 г. из 55875 чел. крестьянского населения наиболее заселенной Южно-Уссурийской округи женщины составляли 34,5% (19339 чел.) (2). Диспропорция в половом составе населения очень скоро дала о себе знать. Чтобы вызвать приток женского населения, было решено оплачивать семье за счет казны переезд каждого члена семьи женского пола пропорционально членам семьи мужского пола (3). Однако, несмотря на принятые меры, все равно даже в 1910—1912 гг. в старожильческих селениях на 100 мужчин приходилось 93,3 женщины, а в новосельческих — 87,0 (4). Диспропорция в половом составе населения сохранялась довольно долго.

Дефицит женщин на Дальнем Востоке определял и демографическое поведение мужчин: они брали в жены не только девушек в возрасте 15—16 лет и старше, но и всех вдов с детьми, даже пожилых. Хроническая нехватка невест приводила к тому, что крестьяне стремились женить своих сыновей и выдать замуж дочерей как можно раньше. В противном случае шансы на создание собственной семьи и хозяйства падали.

Таким образом, неординарная ситуация с невестами в новых районах освоения на востоке страны оказывала существенное влияние на условия образования крестьянских семей и создания здесь своего демографического потенциала. Менталитет дальневосточного крестьянина в вопросах брака практически не отличался от менталитета российского сельского жителя. Он складывался веками и проявился на Дальнем Востоке вместе с другими традициями крестьянской жизни, связанными с хозяйственно-бытовым укладом, материальной и духовной культурой. Известна тесная связь между социально-экономическими особенностями тех или иных регионов и характером установок на брак, семью, брачное

поведение. Традиционные нормы такого поведения были всегда согласованы с условиями крестьянской жизни и составляли неотъемлемую часть ценностных ориентаций, регламентировавших все стороны поведения российского крестьянина и значительной части других сословий (5).

Брачное поведение восточнославянского крестьянина XIX—начала XX вв. непосредственно определялось его взглядами на брак и семью (6). Взгляды эти отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов, среди которых важнейшими были невозможность существования крестьянского хозяйства вне семьи, необеспеченность общиной и государством старости родителей, религиозный характер норм крестьянского поведения и др.

Если суммировать взгляды восточнославянских, в том числе и дальневосточных крестьян, относящиеся к брачному поведению, то в самом общем виде можно отметить следующее: брак и дети в браке — святое дело; православный человек должен иметь и семью, и детей. Холостое состояние — безнравственно. Расторжение брака невозможно, но в случае смерти мужа или жены, если трудно вести хозяйство, второй брак желателен и полезен. К третьему браку относились с предубеждением. В совокупности эти взгляды образовали социально-психологическую модель брачного поведения крестьянства, которое имело такие основные составляющие, как брак, развод, вдовство, повторные браки, рождаемость и др.

Брак, по понятию крестьянина, — главное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного признания. В России неженатый крестьянин, как правило, не мог получить земельный надел. Молодая крестьянка по сложившимся традициям и своему мироощущению также не представляла себя вне своей собственной семьи и девичеству всегда предпочитала замужество. Не менее важно было и то, что крестьянское хозяйство могло нормально функционировать только при наличии в нем женских и мужских рук, так как оно основывалось на половозрастном разделении труда.

Отрицательное отношение крестьян к холостой жизни обусловило и высокую брачность в российской, в том числе и дальневосточной деревне, хотя в последней она была затруднена из-за де-

фицита женщин. Традиционно в XIX в. в брак вступали в довольно раннем возрасте: девушка с 15—16 лет и парень с 18 лет. За стремлением женить парня, как только он достигнет совершеннолетия, скрывалось желание его родителей иметь в семье дополнительные рабочие руки невестки. Поэтому парня старались женить как только он достигнет совершеннолетия. Соотношение возрастов юноши и девушки было различным. Преобладали браки ровесников или такие, где жених был старше невесты обычно на 1—3 года, но иногда и на 6—8 лет (7).

Но встречались и браки, в которых женщины были старше своих мужей. Это чаще всего объяснялось тем, что семья девушки удерживала ее. Лишние рабочие руки всегда ценились, а работы в крестьянском хозяйстве всегда было много. Однако иногда экономические соображения перекрывались другими — боязнью, что невеста в "девках засидится", а пуще всего боялись, что "девка до брака согрешит". Это не только обесчестит семью, но и создаст ситуацию невозможности ее выхода замуж в своей этнической и конфессиональной среде. В некоторых районах Приморья такая девушка могла создать семью только с китайцем. Но главное, ранние браки почти повсеместно по России были исстари приняты, являясь элементом обычного семейного права. Ранние браки характерны для сельскохозяйственных районов, поздние — промысловых.

Таким образом, брачное поведение восточнославянского крестьянства на Дальнем Востоке в общей направленности не отличалось от аналогичного поведения в Европейской России. Однако оно имело целый ряд особенностей, обусловленных спецификой социально-экономического и демографического развития дальневосточного региона и конфессионального состава населения.

Представители старообрядчества в своем брачном поведении в определенной степени отличались от остальной массы крестьянства, хотя основные направления общепринятых брачных норм выдерживались четко. В XVIII—первой половине XIX вв. вопрос о браках имел особую значимость в беспоповщине, в поморском согласии которой в первой половине XVIII в. выделились приверженцы брачников и безбрачников. Принцип безбрачия довольно жестко насаждался и в федосеевском согласии. Однако как в федосеевском, так и в поморском согласии все настойчивее

проявлялись тенденции в защиту института брака. В этом, безусловно, сыграл свою роль тот фактор, что социальной базой старообрядчества было крестьянство, в менталитете которого семья всегда представляла большую ценность.

В поповщине все толки и согласия признавали брак. Венчали старообрядческие священники или беглые попы. Однако священников и беглых попов в условиях жесткого прессинга официальной церкви явно не хватало. Семейные пары жили невенчанными по нескольку лет. Особенно это характерно для осваиваемых восточных регионов России. И хотя правительство относилось в целом терпимо к старообрядческим бракам, они не считались законными, а "...происшедшие от таких союзов дети не признавались законнорожденными и не получали никаких прав по происхождению и имуществу" (8). И чтобы узаконить свой брак, старообрядцы-поповцы вынуждены были венчаться в официальной церкви и давать подписку о присоединении к ней, переходить в единоверие. Подписка, как правило, не выполнялась. Это приводило к преследованию со стороны светских и духовных властей. И только указ 1874 г. признал законность старообрядческих браков с условием их записи в особые метрические книги при волостных правлениях. Ведение метрических книг, в которые вписывались даты рождения, смерти и супружества "сектаторов" (надо полагать, старообрядцев, молокан и приверженцев других сект. — Ю.А.), возлагалось на полицию. Записанные "определенным порядком в эти книги... супружеские союзы приобретали таким образом перед законом значение действительного брака, а происходящие от оных дети получали права законнорожденных" (9). Однако записи в метрические книги не являлись введением для старообрядцев гражданского брака, они означали лишь "...основание и существо брачного союза между мужем и женой" (10). Не признавались законными и духовные обряды, сопутствующие заключению брачных союзов.

Следует отметить, что старообрядцы, особенно беспоповцы, не признавали метрические записи. И хотя браки в гражданском отношении считались действительными, юридическая проблема оставалась нерешенной вплоть до принятия закона о свободе вероисповедания 1906 г. И все же принятие указа 1874 г. было определенным прорывом в семейной политике государства по отно-

шению к своим гражданам различной религиозной ориентации.

Основные направления брачного поведения старообрядцев были аналогичны брачным установкам остального крестьянства. Здесь так же, как и в целом в крестьянской среде, при заключении браков превалировали мотивы экономического характера (возможность получить рабочие руки, породниться с зажиточными соседями и этим упрочить свое положение и т.п.), строго соблюдались брачные запреты на вступление в брак с кровными родственниками до определенного колена родства и с духовными родственниками, то есть с крестными и их детьми, и др. Но важнее для старообрядцев было найти себе семейную пару из своего толка и согласия. Поэтому в старообрядческой среде как у поповцев, так и беспоповцев особенно строго соблюдались подбор брачных пар и регламент заключения брака.

Все эти обстоятельства и обусловили для старообрядцев довольно сложную брачную ситуацию, при которой они в иных случаях женили своих сыновей в довольно раннем возрасте. В таких семьях жених был гораздо моложе своей невесты и нередко вступал в брак в юном возрасте. Не исключено, конечно, что это мог быть случай, когда девушку долго удерживали в рамках своей семьи, а семья жениха предпочитала взять уже опытную работницу. Отметим, что такое возрастное соотношение мы встречали в брачных союзах, возникших еще за пределами Дальнего Востока. Так, в семье крестьянина Саввы Мингилева, переселившегося в начале 1860 г. в Амурскую область из д.Екатерининской Абаканской волости Минусинского округа Енисейской губернии, у старшего сына Максима 19 лет жена Марья была в возрасте 24 лет; второй сын, восемнадцатилетний Николай, был женат на двадцатилетней Дарье. У тридцатилетнего Федора Логинова из той же деревни жена Вера была в возрасте 37 лет (11). Переселенец-старообрядец из той же Абаканской волости Деомид Иванцов, семнадцати с половиной лет, был женат на двадцатидвухлетней Анне, у них в 1860 г. уже был трехлетний сын Дмитрий (12). Другая уроженка этих мест — двадцатилетняя крестьянка Василиса Романова была замужем за пятнадцатилетним Александром (13).

Ранние браки юношей, у которых жена была в более старшем возрасте, встречались и у семейских-старообрядцев из Забайкалья, прибывших на Дальний Восток в конце XIX—начале XX вв.

В 1884 г. был причислен к обществу крестьян д.Ново-Андреевки Черемховской волости Амурской области, в составе отцовской семьи, житель с.Надеинское Тарбогатайской волости Забайкальской области Петр Иванов Павлов, 18 лет, с двадцатилетней женой Прасковьей (14). В семье жителя с.Куналей Куналейской волости Забайкальской области, переселившегося в 1909 г. в Амурскую область, Кокорина Емельяна, числился сын в возрасте 16 лет, который уже имел семнадцатилетнюю жену (15), и др. Среди брачных союзов, возникших на Дальнем Востоке, практически не встречалось браков с младшим по возрасту мужем.

Специфическая демографическая ситуация в малозаселенном дальневосточном регионе, особенно в первые десятилетия его освоения, ставила старообрядцев в сложные условия при выборе брачного партнера из своей среды. Они вынуждены были вступать в брак с представителями аборигенных народов, но чаще — с приверженцами официального православия. Последнее обстоятельство вызывало особую тревогу у православного духовенства, так как обычно итогом заключения таких браков было "совращение" православных в раскол (16). Законным конфессионально-гетерогенный брак признавался только в том случае, если супруг-старообрядец давал подписку о переходе в официальное православие.

На Дальнем Востоке браки старообрядцев с православными не были редкостью. В условиях постоянного дефицита невест некоторые старообрядцы принимали православие исключительно для получения разрешения на вступление в брак с девушкой из православных. Спустя некоторое время они непременно возвращались к своей вере, причем обычно вместе с женой. На рост доли конфессионально смешанных браков влияло также дисперсное расселение самих старообрядцев, их сложный конфессиональный состав. Сюда, в дальневосточный регион, стекались представители самых разных толков и согласий старообрядчества. Договориться между собой им нередко было сложнее, чем с представителями официального православия.

Нельзя исключать и хозяйственно-соседские связи старообрядцев и новоселов-православных. По свидетельству последних, старообрядцы помогали им обустраиваться на новом месте не только материально, но и добрым советом. Последнее было особенно важно для переселенцев-украинцев, совершенно не знавших мест-

ных условий и первоначально боявшихся тайги. Такие хозяйственные контакты также приводили к брачным. К примеру, старообрядец Никита Васильевич Мартюшев, живший в таежной д.Варпаховке Чугуевской волости Южно-Уссурийского края, взял в жены живущую в соседней деревне украинку Пелагею Ивановну (фамилия неизвестна. — *Ю.А.*). Последняя прежде, чем выйти замуж за Никиту, приняла старообрядчество. Родственники Никиты вспоминают, что Пелагея была известной песенницей на всех свадьбах (17). Возможно, в данном случае хозяйственные интересы переплелись с демографическими. Случаи, когда нехватка невест в старообрядческих селах вынуждала старообрядцев искать их в православных деревнях, имели место. В частности, в 1897 г. старообрядец-беспоповец Никитин из с.Покровки Хабаровского округа Приморской области обратился к благочинному г.Хабаровска с просьбой обвенчать его сына с девушкой из числа православных. Предполагалось также, что после заключения брака его сын перейдет в православие. Однако Никитину с целью оградить сына от влияния родителей было поставлено условие: после венчания отделить новобрачного и предоставить ему возможность вести самостоятельное хозяйство. Никитин не согласился с таким предложением и подал прошение в более высокие инстанции — самому генерал-губернатору Приамурского края Н.И.Гродекову. Генерал-губернатор, хорошо зная сложную демографическую ситуацию в дальневосточном регионе и заботясь о быстрейшем освоении вверенного ему края крепкими крестьянскими семьями, счел возможным удовлетворить просьбу Никитина. Его решение было передано Приамурскому архиепископу Евсевию. Однако этот вопрос так и не был решен положительно. От Никитина потребовали вначале принять православие, а затем уже венчаться, но он отказался (18).

Нередки были случаи женитьбы мужчин — приверженцев официального православия на старообрядках, которых выдавали замуж лишь в случае принятия женихами старообрядчества. Так женился на старообрядке из таежной д.Каменки Чугуевской волости Южно-Уссурийского края Сотникой Устинье Исаковне поляк Журавский, житель соседней д.Уборка Чугуевской волости (19). Украинец Гульков Спиридон Филиппович, живший в д.Каменке Чугуевской волости в работниках у старообрядца Красилова Гри-

гория, в 1919 г. тоже взял в жены старообрядку Ефросинью Григорьевну Красилову. У ее отца было четыре дочери, сыновей не было. Гульков Спиридон не только принял старообрядчество, но и фамилию своего тестя Красилова (20).

Другой православный — из Ивановской области Дмитрий Иванович Кутьин, русский, фельдшер по образованию, женился в 1928 г. на вдове-старообрядке, двадцативосьмилетней Сотниковой (дев. Казанцева) Анне Семеновне из той же д.Каменки Чугуевской волости. Он также принял не только старообрядческую веру, но и взял фамилию жены. Сотников Дмитрий в 1930-е годы эмигрировал в Китай и там вскоре погиб (21).

Таким образом, взаимные хозяйственные установки, сложная демографическая ситуация как у старообрядцев, так и у приверженцев официального православия были причинами конфессионально-смешанных браков в таежных регионах Дальнего Востока, населенных преимущественно старообрядцами-беспоповцами. К тому же в таких, как правило, малозаселенных районах на первых этапах освоения официальное православие имело слабое влияние. Православных приходов было мало, территория, которую обслуживал один священник, обширная, и вовремя выполнить все духовные требы практически было невозможно. Поэтому в отдаленных местах региона православные крестьяне для выполнения духовных треб пользовались услугами старообрядческих уставщиков-беспоповцев.

В густонаселенных и сравнительно освоенных районах, в деревнях, где вместе поселились старообрядцы и православные, духовная и светская власти были сильнее, у них было больше возможности вникать в вопросы вероисповедания и держать под контролем все действия православного населения. В таких районах раньше образовались обширные общины старообрядцев-поповцев и беглопоповцев. Они признавали таинство брака, но из-за отсутствия старообрядческих священников были вынуждены венчаться в православной церкви. Именно к такому оформлению брака прибегали молодые люди разной религиозной направленности. Они стремились при помощи православной церкви узаконить свой брак и тем самым избежать преследования со стороны официального православия. Их венчали, но при условии предоставления подписки о том, что один из новобрачных переходит из старооб-

рядчества в православие и в семье будут выполняться все требы по обрядам официальной церкви, в том числе и в отношении родившихся в браке детей. В подписке требовалось также указать, что в будущем супруги не "уклонятся в раскол".

Духовная консистория и представители официальной власти считали смешанные между приверженцами официального православия и старообрядцами браки "незаконными". Они рассматривали такие брачные союзы не только как средство пропаганды старообрядцами своего учения, но и как "совращение" православных в раскол. Супруги, вступившие в такой брак, признавались виновными и подлежащими наказанию. Законным и признанным в обществе мог быть только такой брак, в котором супруг-старообрядец давал подписку о присоединении к православию. Однако практика показывала, что такая подписка, данная новобрачными, как правило, не выполнялась. Через определенное время оба супруга переходили в старообрядчество (22).

Обычно дело о "незаконном" браке начиналось с выявления факта довольно редкого посещения прихожанином православной церкви. Правда, это не всегда было причиной уклонения в раскол. Официальная церковь неоднократно отмечала среди населения Дальнего Востока, особенно его мужской части, ослабление религиозных чувств. Связано это было первоначально с отсутствием церквей и обширностью приходов, а также с продолжительным пребыванием части мужчин на охоте и других промыслах в зимний период. И все же редкое посещение церкви паствой настораживало священника и заставляло проявлять определенное беспокойство. Но чаще всего о таком браке узнавали из доноса какого-либо крестьянина или старосты из числа православных. Начинал расследование местный священник. В случае подтверждения случившегося он сообщал о данном факте в духовную консисторию. Последняя извещала об этом местные высшие светские власти и полицейское управление. Начиналось следствие, которому придавали весьма важное значение, так как речь шла о факте перехода одного из новобрачных в раскол, а следовательно, и уменьшении численности приверженцев официального православия и влиянии последнего на свою паству. К тому же "дурной" пример всегда заразителен, особенно в условиях дальневосточного региона, где позиции официального православия в пер-

вые периоды освоения региона были недостаточно прочными.

В архивах Дальнего Востока сохранилось несколько дел о конфессионально-смешанных браках, которые привлекли внимание как духовных, так и светских властей. Последние, правда, относились двойственно к таким брачным союзам, как и вообще к старообрядчеству. С одной стороны, администрация была заинтересована в старообрядцах как трезвых и трудолюбивых работниках, внесших существенный вклад в хозяйственное освоение региона. Поэтому гражданское начальство практически всегда относилось довольно формально к рассмотрению дел о подобных браках. Но, с другой стороны, оно обязано было реагировать на такие факты, тем более что с юридической стороны такие браки считались незаконными и некоторых православных, перешедших в раскол и находившихся в бегах, приходилось разыскивать при помощи полиции.

В одном из первых старообрядческих селений на р.Амуре — с.Петропавловке Софийского округа Приморской области в 1871 г. состоялось бракосочетание забайкальского крестьянина Ивана Владимирцева и местной старообрядки Марфы Черепановой. Поскольку Иван был православным, то брак венчался в православной церкви. Священник потребовал от Ивана подписку о том, что он не перейдет в раскол и что будущих детей своих он будет крестить в православной церкви. Однако родившихся детей Владимирцев в церкви не крестил и сам перешел в старообрядчество. Проведенное консисторией дознание смогло только установить факт венчания брака в православной церкви. Никакие подписки обнаружены не были. Не было и записей в метрической книге, которые бы свидетельствовали о принадлежности Ивана Владимирцева к официальному православию. Консистория в конечном итоге была вынуждена это дело прекратить (23).

Аналогичный случай произошел в конце 70-х годов XIX в. в более южном районе Приморской области — в д.Ильинке Ханкайского округа. Здесь в 1879 г. рассматривалось дело об уклонениии в раскол крестьянки Авдотьи Бучасовой. Оказалось, что Авдотья до 1876 г. по своей религиозной направленности принадлежала к старообрядцам-поповцам. Затем она дала подписку о переходе в православие, но фактически так и осталась в старообрядчестве. Вскоре она вышла замуж за православного, бессрочноотпускного ефрейтора Якова Грошева. Причем их брак венчал-

ся в православной церкви. Яков, не имевший своего хозяйства, пошел в "примаки" к отцу Авдотьи, твердо придерживавшемуся старообрядческой веры. Естественно, жительство с раскольниками в одной семье не могло не привести Якова в старообрядчество. В итоге он нарушил данную им подписку о том, что он останется в православии, и перестал посещать церковь. Никакие духовные увещевания местного священника, имевшие цель убедить супругов вернуться в православие, не имели успехов (24).

Иногда подписки нарушались старообрядцами вынужденно, как результат жизненных обстоятельств. Так, в 1877 г. выяснилось, что в с.Богословке Суйфунского округа Приморской области, заселенном старообрядцами-семейскими с Аянского тракта, один из старообрядцев вступил в брак с православной еще в Якутии. Венчались они там в православной церкви, но впоследствии двух своих детей в связи с отсутствием православного священника крестили как старообрядцев (25).

Бывали, безусловно, случаи, когда представители официального православия вначале принимали старообрядческую веру, а потом вступали в брак. Такой случай произошел в конце XIX в. со старообрядцем Михаилом Михайловым из д.Круглой Амурской области. Судя по доносу сельского старосты в Благовещенскую духовную консисторию, Михаил до 1896 г. был православным. Однако соседские и хозяйственные связи с односельчанами д.Круглой, населенной преимущественно старообрядцами, и, по всей видимости, пропаганда своего учения последними привели Михайлова в лоно старообрядчества. Возможно, к этим причинам добавилась еще одна — желание вступить в брак с понравившейся ему девушкой-старообрядкой. Правда, брак венчали в православной церкви, и молодожены вынуждены были дать соответствующую подписку, однако каноны православия так и не стали выполнять. Сразу после доноса со стороны духовных властей начались неприятности. Чтобы их избежать, Михаил выехал вместе с семьей в портовый город Владивосток. Это только усугубило его положение, так как его стали искать при помощи полиции и в конце концов вернули в д.Круглую (26).

Обвинение в уклонении в раскол при смешанных браках нередко предъявляли и родителям новобрачных, которые в определенной степени были повинны. В этом отношении любопытное

дело рассматривалось Канцелярией военного губернатора Амурской области в 1880 г. В результате проведенного дознания выяснилось, что крестьянин с.Никольского Томской волости Иван Тихановский в прошлом, до 1867 г., состоял в старообрядчестве. Затем под влиянием единоверческого священника принял единоверие. Но спустя несколько лет Иван не только возвратился в старообрядчество беспоповского толка, но и отдал замуж за старообрядца Одинцова свою пятнадцатилетнюю дочь. Воспользовавшись тем, что дочь Ивана была выдана замуж несовершеннолетней, местное начальство потребовало расторгнуть брак. Ивана увещевал и его брат, священник единоверческой церкви, но из этого ничего не вышло. Дело дошло до областного руководства. На следствии Тихановский заявил, что Одинцов якобы собирался перейти в православие. Одинцов же настаивал на том, что считал семью Тихановского принадлежащей к беспоповскому согласию. В результате разбирательства Тихановский был обвинен в уклонении в раскол, брак его дочери с Одинцовым был признан незаконным и расторгнут (27).

Спустя несколько лет той же Канцелярией военного губернатора Амурской области рассматривалось еще одно подобное дело. По доносу в Благовещенскую консисторию священника Тимофея Тихановского началось следствие по делу крестьян д.Заливки Томской волости Александра Романова и Лариона Киселева, выдавших своих дочерей замуж за старообрядцев. Выяснилось, в частности, что некогда Романов был православным, но, женившись на старообрядке, перешел в раскол. Он, как и другие православные, попавшие в такую ситуацию, нарушил данную во время венчания в православном храме подписку. Более того, дочь Ирина, крещенная по канонам православной церкви, храм больше не посещала и вышла замуж за старообрядца. Это все и вменили в вину ее отцу. Александр Романов был судим и попал в тюрьму. Но свою религиозную ориентацию он не поменял — остался в старообрядчестве (28).

Ларион Киселев тоже был в прошлом православным и, женившись на старообрядке, стал исповедовать старообрядчество. Свою дочь Марфу он не крестил в православной церкви, ее крестила родственница по старообрядческим канонам. Таким же образом были крещены и другие его дети, хотя миропомазаны они были православным батюшкой. Киселеву также были предъявле-

ны обвинения в уклонении в раскол (29).

Смешанные, так называемые "незаконные", браки между православными и старообрядцами перестали быть предметом острых обсуждений лишь после принятия в 1906 г. закона о свободе вероисповедания. Теперь супругам разрешалось по их желанию оставаться приверженцем своей веры или переходить в веру своего супруга. Правда, это решение касалось только совершеннолетних новобрачных. Взятие в жены несовершеннолетней девицы иной религиозной ориентации рассматривалось уже как ее совращение. Именно так случилось в 1913 г. с казачкой станицы Гродековской Уссурийского казачьего войска Надеждой Плотниковой. Будучи православной, она вступила в брак с казаком-старообрядцем Егором Ефимовым и подала прошение о переходе из православия в старообрядчество. Несмотря на то, что молодые были уже повенчаны, ей, мотивируя ее несовершеннолетием, в просьбе отказали (30).

Таким образом, в дореволюционный период смешанные конфессиональные браки между старообрядцами и приверженцами официального православия были не так уж редки. Основная причина этого в дальневосточном регионе — особая демографическая ситуация, которая осложняла традиционные установки на брак. Сказывались здесь и особенности ведения крестьянского хозяйства, базировавшегося на половозрастном разделении труда. Такие браки вызывали вполне понятное беспокойство духовной власти, так как в брачном союзе практически всегда православный супруг переходил в раскол, а это, по мнению консистории, усиливало влияние старообрядчества. Более лояльное отношение к смешанным бракам было у светских властей, заинтересованных в быстрейшем освоении края крепкими хозяевами, к числу которых они относили старообрядцев.

Помимо дефицита невест в дальневосточном регионе были и другие условия, которые ставили старообрядцев в сложные ситуации при выборе брачного партнера. Традиции и общепринятые в российском крестьянстве каноны древлеправославия (31) разрешали староверам вступление в брак лишь в определенной степени родства как при кровном, так и при двухродном, трехродном и духовном родстве. Этих традиций придерживаются и в настоящее время. При кровном родстве брак возбранялся до 7 степеней родства и разрешался только в восьмой степени. При двухродном

родстве брак запрещался до 5, а в иных случаях и до 6 степеней родства. В шестой степени в некоторых случаях молодые люди допускались к браку с племянницами тех женщин, с которыми был заключен второй брак их отца (деда, прадеда). В этой степени родства браки разрешались также в тех случаях, когда с одной стороны степени были нисходящие, а с другой — боковые тетки. При трехродном родстве браки разрешались обычно в 4 и 5 степенях родства.

Однако жизненные ситуации нередко ставили старообрядцев в затруднительные положения. На практике брачные запреты древлеправославной церкви не всегда были понятны не только простым прихожанам, но и старообрядческим священникам. Последние, судя по сохранившимся документам начала 30-х годов XX в., неоднократно обращались за разъяснениями к старообрядческому епископу Иркутско-Амурскому и всего Дальнего Востока Афанасию, жившему в те годы в с.Тарбагатай Амурской области. В иных случаях они просто сообщали епископу Афанасию о различного рода нарушениях в брачной практике, о вступлении в брак при близком родстве. Так, старообрядческий священник Петр Муравьев пишет епископу Афанасию, что старик Т.Е.Ермаков из с.Слава Мазановского района Амурской области "...завдовел еще год не прошел... Он задумал жениться... у него детей нет, а средства есть... начал сватать старуху, ей тоже 65 лет. Она вдова, приходит и просит: батюшка, совокупи нас... я не совокуплял... стали разбираться... оказывается — родня: ... она ему невестка — жена его умершего двоюродного брата Филиппа..." (32). Выяснилось, что отец Филиппа и отец Ермакова Т.Е — родные братья. Ермаков все же вступил в брак без венчания и жил с женщиной около месяца, а когда священник разобрался и указал ему на близкое родство — они разошлись (33).

Тот же священник Петр Муравьев спрашивал епископа, можно ли вступать в брак при следующем родстве? Два родных брата Корнил и Александр взяли в жены: Корнил — Варвару, у которой был неженатый брат Игнат, а Александр — Наталью, у которой была незамужняя сестра Агафья. Может ли Игнат взять Агафью? Епископ отвечает: "...Согласно сборника о брачном праве... Игнатию взять Агафию не воспрещается. Здесь 6 степеней трехродного родства" (34).

Особое внимание при заключении брака уделялось духовному родству, то есть родству между определенной семейной парой, ее детьми и внуками и крестными, то есть родителями-восприемниками и родными детьми последних. В случае, если духовное родство было построено по схеме "мой праправнук — мой правнук — мой внук — мой сын — я, родитель и крестный — мой крестник — сын крестника ко мне — внук крестника ко мне — правнук крестника ко мне", то родным детям и детям крестника разрешалось вступать в брак не ранее, как в восьмой степени родства. В случае, если складывалась следующая схема: "мои внук и внучка — мои сын и дочь — я, родитель и крестный — мой крестник и сын кума — мой кум — сын и дочь кума ко мне — внучка кума ко мне", то согласно Кормчей книге "сын мой не может брачиться на дочери моего кума, где считается 4 степени родства, но внук мой может пояти (взять) дочь кума моего", таккак в данном случае уже пятая степень родства (35).

Не могли вступать в брак между собой также крестный (восприемник) и крестная (восприемница), если они выступали восприемниками у одного и того же лица, а также крестовые брат и сестра (то есть юноша и девушка, у которых был один крестный или крестная), но дети их уже не находились в духовном родстве и могли вступать в брачные отношения (36).

Ситуации с брачными запретами при духовном родстве вызывали еще большие недоразумения, чем при кровном родстве. Некоторые прихожане старались скрыть духовное родство. В случае же обнаружения такового они, согласно правилам Кормчей книги, вынуждены были разойтись, даже если уже имели детей. Так получилось в 1921 г., когда был заключен брак между старообрядцами с.Бардагон Амурской области Тимофеем Семеновым Чебуниным и девицей Анной Федотьевой Поповой. По кровному родству они были в 7 степенях, что не возбраняло заключение брака. Что касается духовного родства, то, по наущению других, они в истине "не сознались". В итоге им пришлось при свидетелях писать объяснительную, где они покаялись в содеянном и сообщили, что "...желаем разойтится и вместе не жить, то есть расторгнуть брак как без законный и мерзкий перед Богом, поэтому расходимся..." (37).

Много шума наделал в 1927 г. брак Ивана Зиновьева Санни-

кова из с.Бардагон Амурской области. Дело получило широкую огласку и дошло до Москвы. Оказалось, что мать и невеста Ивана — крестовые сестры, то есть и ту, и другую принимала от купели одна и та же крестная. Выходит, что одна крестовая сестра взяла свою крестовую сестру за своего родного сына, то есть в невестки. Таким образом, жених и невеста находились в 3 степенях духовного родства. По мнению старообрядческого епископа Климента (надо полагать, Климент находился в Москве. — *Ю.А.*), высказанного им летом 1927 г., "...эта родня считается по святому крещению ближе, чем родные сестры с ней приходятся ... таковый брак должен немедленно быть расторгнут..." за это повенчавший этот брак отец Тимофей из с.Бардагон должен быть подвергнут "...запрещению всякого священнодействия на неопределенное время" (38).

Очевидно, Климент поручил тщательное дознание этого дела Иосифу — епископу Иркутскому и всея Сибири. В процессе расследования выяснилось, что оформление брака было совершено новобрачными не в своем родном приходе, где им было отказано, а в другом, у священника отца Тимофея. Причем мать жениха уверяла всех в церкви, перед святыми иконами, что у новобрачных нет родства (40). Епископ Иосиф и вменил в вину отцу Тимофею то, что он на слово поверил матери жениха об отсутствии родства между новобрачными, не проверив истинного положения дел. Отцу Тимофею также было указано на то, что новобрачные были не из его прихода и они не имели письменного разрешения местного священика.

Исходя из этого, епископ Иосиф предписывает отцу Тимофею немедленнно поехать в Николаевку (очевидно, место жительства новобрачных.— *Ю.А.*) и через верных свидетелей провести тщательное дознание. Ссылаясь на соответствующие правила Кормчей книги, епископ Иосиф заявляет, что если действительно окажется, что "...у свекрови и у невесты одна... восприемница от святого крещения, то есть у них одна крестная, тогда они между собою приходятся крестовы сестры и сестра ее вышла за племянника. Никто из детей восприемника не может жениться, так как они находятся племянниками ея и состоят в 3-й степени (родства)... а посему... таковые браки отнюдь не допускаются и строго запрещаются". Далее он отметил, что вступившие таким образом

в брак "...не должны быть принимаемы в церковь, прежде, нежели будут разлучены, хотя бы детей имели, а благословивший их иерей — извергается... если окажется, что правда между ними такое духовное родство, то вы должны расторгнуть таковый незаконный брак, а мать женихову должны отлучить от церкви за такой наглый обман, за утаение и за скрытие такого греха... а если вы брак таковый не расторгнете, то вы... получите от нас запрещение на неопределенное время, а повенчавшихся таковым браком, если не разойдутся, то таковые отлучатся от церкви..." (40).

Таковы были основные условия для создания семьи, установки на брак, запреты и разрешения при его оформлении у дальневосточного старообрядчества. И хотя аналогичная традиция при заключении браков присуща всем русским, особенно строго ее придерживались староверы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.87. Оп.1. Д.99. Л.95.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 76. Приморская область. Тетрадь I. СПб., 1899. С.40—42.
3. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858—1898. СПб.,1900. С.87.
4. Там же. С.88.
5. Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С.105.
6. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX—начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.,1977. С.83.
7. Национальный архив Республики Бурятии (НАРБ).Ф.34. Оп.1. Д.736. Л.5—6; Ф.52. Оп.1. Д.16 Л.3об.
8. Государственный архив Иркутской области. Ф.24. Оп.9. Д.485. Карт.2052. Л.1—2.
9. Там же. Л.2об.
10. Там же.
11. Там же. Оп.10. Д.86. Св.1657. Разд.8. Л.5, 23.
12. Там же. Л.5.
13. Там же. Д.106. Карт.1658. Разд.12. Л.365.
14. НАРБ. Ф.34. Оп.1. Д.736. Л.7.

15. Там же. Ф.69. Оп.1. Д.13. Л.30.

16. Лобанов В.Ф. "Незаконные" браки у старообрядцев Дальнего Востока (вторая половина XIX—начало XX в.) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С.63.

17. Информация П.Г.Мартюшева, 1923 г.рожд., г.Владивосток (проживает в штате Орегон, США).

18. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.7. Л.61—65.

19. Информация А.П.Сотниковой, 1922 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

20. Информация Е.С.Юренок, 1930 г. рожд., пос. Нижние Лужки Чугуевского района Приморского края.

21. Информация А.Д.Проценко, 1928 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

22. Лобанов В.Ф. Указ. соч. С.63, 65, 66.

23. РГИА ДВ. Ф.1. Отдел 1. Стол 2. Д.337. Л.1—2, 5.

24. Там же. Оп.2. Стол 2. Д.767. Л.4—5.

25. Лобанов В.Ф. Указ. соч. С.68.

26. Там же. С.67—68.

27. РГИА ДВ. Ф.704. Оп.6. Д.351. Л.1—2, 8—10 об.

28. Там же. Оп.7. Д.572. Л.1.

29. Там же. Л.2.

30. Там же. Ф.1 Оп.2. Отдел 1. Стол 2. Д.2329. Л.140.

31. Григоровский С. О родстве и свойстве. Изд. 2-е. СПб.,1894.

32. НАРБ. Ф.478. Оп.1. Д.6. Л.61—63об.

33. Там же.

34. Там же. Л.68об.

35. Там же. Л.60—64.

36. Там же.

37. Там же. Л.214об.—215.

38. Там же. Л.199.

39. Там же.

40. Там же. Л.203—203об.